

Oriental Epigraphy

Эпиграфика Востока

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423
УДК 94(55)+929

Оригинальная статья
Original Paper

«Сарыбагышские» эпитафии из Чуйской долины

В. Н. Настич

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8734>, e-mail: vladimir@nastich.net

Резюме: в публикации рассматривается и впервые вводится в научный оборот малоизвестная группа тюркоязычных эпиграфических памятников начала XX в. из центральных районов Семиречья (совр. Кыргызстан, Чуйская долина, нижнее течение р. Чон-Кемин), относящихся к обитавшему в тех местах роду тынай киргизского племени сарыбагыш. Прочитаны, переведены на русский язык и подробно анализируются тексты эпитафий на каменных надгробниках, посвященных знаменитому манапу Шабдану сыну Джантая, двум его братьям и двум несовершеннолетним дочерям, умершим и похороненным между 1904 и 1912 гг.

Ключевые слова: арабская графика; Кыргызстан; манап; мулла Балдак; надгробник; погребальная надпись; сарыбагыш; стела; тынай; Чон-Кемин; Чуйская долина; Шабдан Баатыр Джантаев; эпиграфика; эпитафия

Для цитирования: Настич В. Н. «Сарыбагышские» эпитафии из Чуйской долины. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):402–423. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423.

«Sarybaghysh» Epitaphs from the Chu Valley

Vladimir N. Nastich

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8734>, e-mail: vladimir@nastich.net

Abstract: the paper deals with a little-known and virtually unexplored group of early 20th century epigraphic monuments from central Semirechye (the lower course of Chon Kemin river), belonging to the clan of *Tynai* of the *Sarybaghysh* tribe. A detailed analysis is carried out with regard to the sepulchral inscriptions on stone tombs (stelae) dedicated to the renowned Qyrghyz (Kyrgyz) manap Shabdan son of Jantaï, his two brothers and two underage daughters, all deceased and buried between 1904 and 1912.

Keywords: Arabic writing; Chon Kemin; Chu Valley; epigraphy; epitaph; Kyrgyzstan; manap; mullah Baldaq; Sarybaghysh; Shabdan Baatyr Jantaev (Djantaev, Zhantaev); sepulchral inscription; stela; tomb; Tynai

For citation: Nastich V. N. «Sarybaghysh» Epitaphs from the Chu Valley. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):402–423. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423.

Введение

В 2015 г. исполнилось 130 лет первой публикации эпитафических памятников арабского письма с территории Киргизии [1, с. 171]. За это время отечественная, а вместе с ней и мировая наука обогатилась солидным списком работ многих авторов – как изданных, так и оставшихся в рукописях (общим числом до полутысячи), посвященных лапидарному наследию мусульманского прошлого Средней Азии.

До недавнего времени о каких-либо исследованиях в области кыргызстанской эпиграфики XIX – начала XX в. вообще не было известно. Впервые две поздние надписи с берегов р. Кегеты близ г. Токмака изданы во 2-м выпуске альбома «Эпиграфика Киргизии» [2, с. 160–164, таб. СХIV–СХVIII]. Эта публикация, до недавнего времени остававшаяся единственной в своем роде, не лишена недостатков в теоретическом и методическом плане: чтения и переводы надписей грешат ошибками, в них имеются необъясненные пропуски слов; язык эпитафий определен просто неграмотно – как «арабо-персидский» (?!), «в отдельных местах» (?) – киргизский, но «с примесью ломаного (?) казахского языка с чагатайским книжным (?) влиянием» [2, с. 160]. Не проведен даже самый общий текстологический анализ, отсутствуют комментарии к неясным и сомнительным местам в текстах эпитафий.

10 лет назад в Бишкеке вышел в свет объемистый сводный том эпиграфики Кыргызстана [3]. В нем собраны изображения и объективные данные почти о 200 памятниках с надписями на камнях и скалах из разных мест республики – как изданных ранее, так и вновь выявленных и неизвестных по публикациям, относящихся к различным историческим эпохам и составленных на разных языках. В частности, поздние стелы из Чон-Кемина и других мест кыргызстанского Семиречья изданы в указанном альбоме [3] на с. 157–159, 178–181 и 184–185. К сожалению, качество подготовки и публикации издаваемых материалов, особенно сопровождающих авторских описаний и комментариев, оставляет желать много лучшего.

Как и следовало ожидать, основной интерес специалистов в этой области был и остается сфокусированным почти безраздельно на памятниках развитого, в меньшей степени – позднего Средневековья. До сих пор «по умолчанию» считается, что информативная ценность надписей X–XVII вв. несравнимо выше той, которую могут иметь, скажем, эпитафии с казахских и киргизских кладбищ XIX – начала XX в. – периода, обеспеченного документальными, публицистическими, литературными, эпистолярными и другими источниками с определенной полнотой. Но даже на фоне такого обилия «рабочего материала» по новой истории слишком явное пренебрежение таким специфическим источником, как погребальная эпиграфика, не может не вызвать удив-

ления. Разумеется, наивно ожидать от поздних надгробий из бывшего Русского Туркестана радикально новой и подробной информации о событиях этой недавней эпохи; в лучшем случае они могут дополнить уже известную историческую картину лишь несколькими, может быть, далеко не самыми важными штрихами. Но так же очевидно, что если эти дополнительные штрихи сохранились только в скупых строках намогильных надписей, то без них, каким бы широким и развернутым ни было воссозданное историческое полотно, оно все равно останется менее полным, чем с ними.

Поздние каменные намогильники из Чуйской долины

В декабре 1983 г. мне довелось осмотреть и снять на пленку 7 памятников с надписями 1891–1921 гг. (в том числе оба изданных Ч. Джумагуловым), свезенных в Буранинский музей-заповедник из разных пунктов Токмакского района. Из этих 7 надгробий 5 представляют собой довольно узкие длинные, до 1 метра и более, гранитные стелы подпрямоугольных или «листовидных» очертаний, поставленные вертикально и покрытые с двух (реже с трех) сторон крупными надписями некаллиграфическим, но ровным и уверенным почерком, в основе которого чувствуется поздний среднеазиатский «канцелярский» *наста'лиқ*. Из 2 остальных, более плоских и приземистых камней, один – из темного песчаника, с отбитой верхней частью, сохранивший только конец эпитафии, выполненной таким же почерком, как и на упомянутых стелах, второй – хорошо обработанный блок светло-серого гранита с фигурно закругленным навершием, надписи на котором из-за отсутствия в момент съемки контрастного освещения оказались почти неразличимы.

Кроме того, в январе 1984 г. мною получены от В. М. Плоских¹ фотографии двух намогильников из Чон-Кемина, с родового кладбища сарыбагышских манапов Джантаевых. Эти надгробия, вместе с музейным № 2, составляют наиболее интересную «семейную» группу во всем описанном комплексе и поэтому рассматриваются ниже подробно.

«Кегетинские» надгробия, изданные Ч. Джумагуловым, отнесены им предположительно к району пос. Быстровка (местность Берик-Таш-Ата). По словам директора музея-заповедника Э. Тюрканова², из Быстровки привезены и две другие стелы – кроме одной (ниже под № 2), доставленной из Чон-Кемина, а также упомянутая выше дефектная

¹ Плоских Владимир Михайлович – доктор исторических наук (1979), профессор (1990), в то время заместитель директора Института истории Академии наук Киргизской ССР, ныне действительный член (1997) Национальной академии наук Кыргызской Республики. Подробнее о нем см.: <http://naskr.kg/index.php/ru/chleny-nan-kr/dejstvitelnye-chleny-nan-kr/72-ploskikh-vladimir-mikhajlovich-istoriya>

² Личная беседа в Буранинском музее-заповеднике, 12 декабря 1983 г.

плита из песчаника. Происхождение памятника из светло-серого гранита, уже давно находящегося возле башни Бурана, в документах музея не зафиксировано.

Язык всех обследованных надписей можно определить как среднеазиатский тюрки, сложившийся на основе староузбекского («чагатайского») наречия и бытовавший в качестве *koivŋ* среди грамотных узбеков, киргизов и южных казахов вплоть до 30-х годов прошлого столетия. Отдельные благочестивые изречения и цитаты из Корана по традиции воспроизведены на арабском языке; кроме того, многие значащие слова и личные имена имеют арабское или таджикское происхождение. Между прочим, именно в этой части особенно много орфографических ошибок, характерных для тюркоязычного населения Средней Азии, владевшего традиционной «мусульманской» книжной грамотностью не в полной мере и изображавшего на письме заимствованные слова, отступая от этимологического начертания в пользу их реального произношения в родной языковой среде. В начертании некоторых тюркских слов и имен можно усмотреть киргизское фонетическое влияние. Что же касается отмечаемой Ч. Джумагуловым «примеси ломаного казахского языка», то его наблюдение, очевидно, слишком тонкое, чтобы эту «примесь» можно было заметить, объективно оценить и надежно отличить от киргизского или «чагатайского» субстрата.

Вследствие специфики тюркского синтаксиса в приводимых переводах надписей невозможно сохранить оригинальный порядок лексических частей текста, поэтому разделение на строки сохранено только в графическом воспроизведении эпитафий. Обозначение долготы гласных в транскрипции персо- и тюркоязычных слов условно и передает только особенности начертания в арабской графике. В литературных индексах комментариев не используются буквы *ë, з, й, о, щ, ь, ы, ь*.

Чтение и перевод надписей

1. Эпитафия Мамыта Аджи, 1910 г.

Содержит две надписи на разных гранях камня (рис. 1).

Надпись 1-А. 12 строк, разделенных двойными линиями, внизу орнамент. Начала нескольких строк на фото, по которому читался текст, скрыты под слоем лишайника. Очевидно, по той же причине пропущены отдельные знаки в публикуемой прорисовке из альбома [3, с. 157]; впрочем, практически все из них удалось восстановить по контексту.

Текст

É½A ÜA É»A Ü [1]
É½A ¾½mi fÅŠ [2]
¹ ÅÅ ÓUE O½B½ [3]

ÓÇ 1910 ÓMıBík [4]
 jıB İe ÓÇ 28 ÊFÁMÍ [5]
 ÊFÁMÍ · ÊJÁq Ém Êe [6]
 ÓUE ÓT;B; [7]
 Ó%ŞÉÁ ÖBñÁBU [8]
 ÊFÁqBÍ ÓÇ 70 [9]
 ÆAeBÁ°A iAe İI [10]
 Ó%Yi Ê«B J»A iAe [11]
 ÖeYÍ[A] [12]

Перевод

Нет бога, кроме Аллâха, Муḫаммад – посланник Аллâха. Могила^а Мамыта аджй^б. В. 1910 году, 28 декабря, во вторник^в Мамыт аджй сын Джантйа в возрасте 70 лет из этого бренного мира в мир вечный отправился.

Комментарий

а) Передано араб.-перс. Rıvık ziyārat (букв. ‘посещение’) в сопряженном состоянии и с лишним алифом после rā.

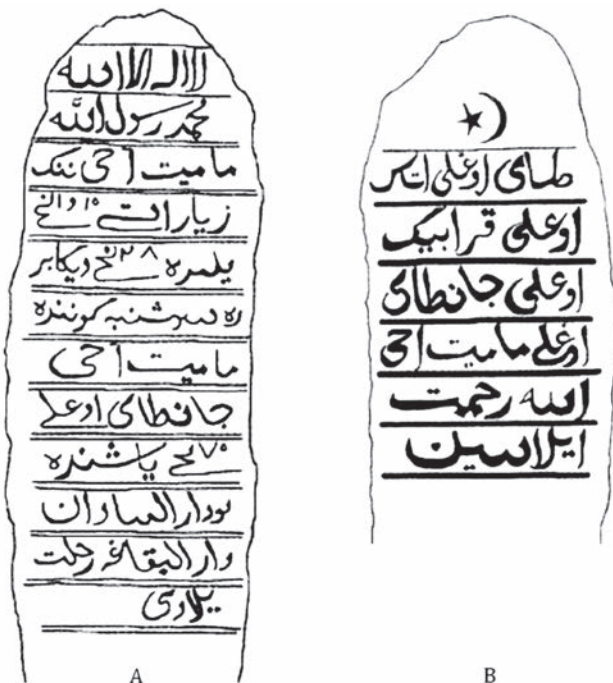

Рис. 1. Эпитафия Мамыта Аджи. Прорисовка заимствована из [3, с. 157]

Fig. 1. Epitaph of Mamyt Aji. The drawing is borrowed from [3, p. 157]

б) Форма имени *Мамыт* (граф. ОӢѳѳ *māmīt*), очевидно, образована от араб. *elĀṢ Maḥmūd* и передает местное (киргизское) произношение этого имени; то же явление отражено и в слове *аджи* (искаж. араб. *ḪBY ḫādjǰ* < тадж. *ОУВУ ḫādjī* ‘паломник’).

в) 28 декабря 1910 г. по «старому» (юлианскому) стилю действительно приходилось на вторник.

Надпись 1-В. 6 строк в технике «оброна» (выпуклые буквы на заглубленном фоне), разделенных линиями, сверху – изображение звезды и полумесяца.

Текст

É·BMA Ó¼SÉA ÖBÄ• [1]
¹ TIAj ³ Ó¼SÉA [2]
 ÖBñABU Ó¼SÉA [3]
 ÓUA OŢѳѳ Ó¼SÉA [4]
 O> i É¼A [5]
 ÄmÝIA [6]

Перевод

Мамйт аджи сын Джантӳя сына Қарӳбека сына Атаке сына Тынӳя. Да помилует^г [их всех] Аллӳх!

Комментарий

г) В слове " *mÝIA* пропущен зубец для предпоследней буквы *ӳ*, на месте которой внизу проставлены только относящиеся к ней две диакритические точки.

2. Эпитафии Бюби Г<...>ан и Джамалган Биби, 1911 г.

Памятник дефектный: верхняя часть с первыми строками стесана, в средней части – два сквозных отверстия, в одно из которых вставлен железный штырь с прямоугольными шайбами. Содержит три надписи на разных гранях камня (рис. 2). Приведенные здесь прорисовки из книги [3, с. 179] не вполне точны, поэтому чтение надписей скорректировано по моим снимкам, вполне разборчивым для изучения, но, к сожалению, недостаточно четким для воспроизведения в публикации.

Надпись 2-А. 12 строк, разделенных линиями, из которых полностью утрачена строка 1 и сильно повреждены средние части строк 3–4 и 6–7; внизу – растительно-геометрический орнамент.

Текст

[É¼A ÜA É¼A Ü] [1]
 É¼A ¾Ţmi fĀS [2]
 ÉfĀMÍ ÓCE (?) 1911 [3]

(?)...@ ÓE 11 [4]
 ÆI· ÉJÁqËe [5]
 ÆB[...]« ÓI|I [6]
 Æ[AfI]Bq [7]
 ÓI³ ÓUBY [8]
 ÉfÁqBÍ ÓE 13 [9]
 AfTmI Ì U BÍÆe ÌI [10]
 É« ÓmI Ì U PjaA Æ [11]
 ÔeYÍA j°m [12]

Перевод

Нет бога, кроме Аллâха, Муḥаммад – посланник Аллâха. В 1911 году, 11 м[арта?]^д, в понедельник, Бӯбй Г<...>ан^е (?) дочь Шâбдâна ḫâджй в возрасте 13 лет отправилась из обители этого мира в обитель мира последнего.

Комментарий

д) Либо 'м[ая]', или же (что гораздо менее вероятно, но в целом не исключено) араб. м[уḥаррама].

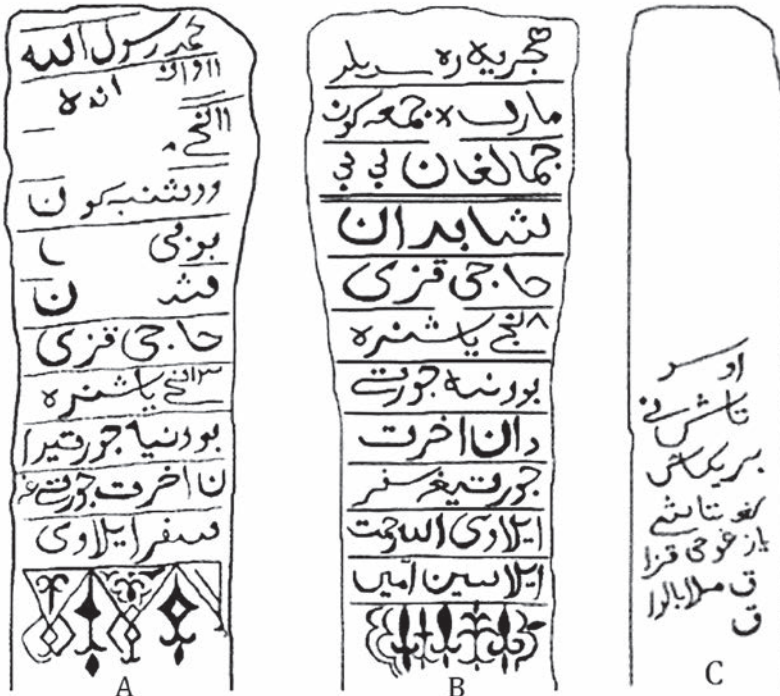

Рис. 2. Эпитафии Бюби Г<...>ан и Джамалган Биби. Прорисовка заимствована из [3, с. 179]
 Fig. 2. Epitaphs of Bübi Gh<...>an and Jamalghan Bibi. The drawing is borrowed from [3, p. 179]

е) Судя по орфографии (*vāv* после первого *bā* определенно указывает на лабиальность гласного ряда), первая часть имени – $\text{Ó}|\text{I}|\text{I}$, скорее всего, произносилась как *Бюбю* (кирг. *бүбү*). О форме второй его части, поврежденной пробитым через это слово отверстием, можно только гадать: по созвучию с именем сестры (надпись 2-В, стк. 4) здесь могло быть, например, *Ғамзахāн* или *Ғунчахāн* [ср.: 4, с. 138, 141].

Надпись 2-В. 12 строк, разделенных линиями, первая из которых полностью утрачена; внизу – растительно-геометрический орнамент.

Текст

<...> [1]
 ÉFMI ÓE 1911 Ée Élj VÇ [2]
 AE]· É'š ÉFM Bç 11 [3]
 I I ÓI AE→Bš [4]
 AE[AFI]Bq [5]
 ÓI³ ÓUBY [6]
 ÉFÁqBÍ ÓE 8 [7]
 ÓMi I U BÍÁe I I [8]
 PjaA AEe [9]
 j °m É-ÍM I U [10]
 O> i É¼A ÓeÝÍA [11]
 " çE " mÝÍA [12]

Перевод

<...> хиджры, в 1911 году, в марте, в пятницу, ДжамālҒāн бйбй дочь Шāбдāна хāджй в возрасте 8 лет отправилась из обители этого мира в обитель мира последнего. Да помилует [ее] Аллāх! Аминь.

Надпись 2-С. На боковой грани, состоит из 7 коротких строк, в последней из которых всего одна буква (окончание имени из стк. 6). Слово в начале стк. 4 повреждено и однозначно не читается.

Текст

I JqÉA [1]
 ÓÁ t BM [2]
 t BN j j I [3]
 ÓqBM (?) É→ [4]
 AI³ ÓUI «KBÍ [5]
 AF»BI Ýç ¶I [6]
 ¶I [7]

Перевод

Этот камень [уроженец] Берйктāша [...] (?), [на] камне пишущий, – казахский муллā Бāлдāк.

3. Эпитафия Шабдан-батыра хаджи, 1912 г.

Памятник дефектный: верхняя часть с первыми строками отбита. Две надписи на противоположащих гранях камня, вторая из которых состоит из 3 самостоятельных частей. Фотографии памятника, по которым выполнено чтение, остались в Институте истории АН Кыргызстана, у меня сохранилась только графическая фиксация текста, поэтому данная эпитафия публикуется без иллюстраций.

Надпись 3-А. 14 строк крупным почерком в технике «оброна» (выпуклые буквы на заглубленном фоне). Первая строка утрачена в результате откола, но восстанавливается по контексту. Строки подчеркнуты выпуклыми прямыми линиями с двойными закруглениями на концах наподобие киргизского национального орнамента «кочкор муйуз». Строки 10–14 высечены более мелким почерком без разделителей.

Текст

- [1] [كل من عليها فان ويبقى]
- [2] وجه ربك ذو الجلال والاكرام
- [3] صارباغش ايلنيك الحاج الحرمين
- [4] شابدان باطر حاجى جانتاي
- [5] او على سنة 133هـ سنة 3 جمادى الاولى جمعه
1912م
- [6] كون 73 نجى ياشنده بودار
- [7] الفنادن دار البقاغه رحلت
- [8] ايلادى مرحوم قرغز قزاقنيك
- [9] ايك معتبرلرندن بولدغى كى روسيه
- [10] حكومتنيك اسبابى وسطى فتح دورنده
- [11] يك بيوك خدمتلىر ايتوب حكومت
- [12] و ايسكاواى اصطرشنه
- [13] لوازمين المش ايدى جناب الله
- [14] نيك [ر] حتمه ابديه سينه مظهر بولقاي (?) ايدى

Перевод

[Всякий, кто на ней, исчезнет, и останется] лик Господа твоего со славой и достоинством*.

Сарыбагышского племени^к, паломник в оба священных (города)^л Шабдан батыр хаджи сын Джантая в 133[0]^м году х[иджры] / 1912 м[илādй]^н, 3 джума[дā] ал-ула, в день пятницы, в возрасте 73 лет отправился из этой обители бренности в обитель вечности. Покойный^н в числе самых достойных из киргиз-казаков^р за великие заслуги во время завоевания русскими властями Средней Азии^с получил от властей должность войскового старшины^т. (Теперь же) он вечной милости Господа Бога удостоился(?)^у.

Комментарий

*–ж) То есть на земле.

и) Коран, 55:26–27. Перевод И. Ю. Крачковского.

к) Букв. ‘народа’; соответствует многозначному *эл* в совр. киргизском [5, с. 946].

л) Неудачная перефразировка арабского «развернутого» синонима ‘паломника в Мекку и Медину’ – “ $\text{ج} \text{†} \text{آ} \text{ع} \text{خ} \text{ب} \text{†} \text{ا} \text{إ} \text{ب} \text{ب} \text{ن} \text{آ} / \text{j} \text{b} \text{ } ^{-}$, довольно употребительного в средневековой погребальной эпиграфике; ср., напр.: [6, с. 159–160, 182; 7, с. 226]: отказавшись от первого слова и приняв следующее $\text{خ} \text{ب} \text{†} \text{ا}$ за обычное ед.ч. ‘паломник’, автору надписи следовало поставить его в *status constructus* без определенного члена *ал*.

м) Пропуск нуля в датах (кстати, очень часто передаваемого в поздних надписях не точкой, а маленьким кружком) – вполне обычное явление в среднеазиатской палеографии, нередко наблюдаемое в «провинциальных» документах и на монетах Коканда и Бухары, а также соседнего Афганистана.

н) Сокр. из $\text{O} \text{e} \text{Y} \text{I} \text{z}$ «от рождества [Христового]», по европейскому летоисчислению – в данном случае, очевидно, по «старому» (юлианскому) стилю.

п) $\text{آ} \text{ل} \text{Y} \text{j} \text{z}$ – араб. *мархум*, букв. ‘помилованный’ (совр. кирг. *маркум*, *маркун*) – распространенный в Средней Азии метоним понятия «скончавшийся, покойный»; этимологически связан со ставшей почти канонической при упоминании усопшего (как устно, так и в надписях) инвокацией «да помилует его Аллах!» (араб. $\text{E} \text{آ} \text{ا} \text{E} \text{i}$, тюрк. $\text{A} \text{l} \text{r} \text{A} \text{l} \text{ } ^{3} / \text{A} \text{l} \text{m} \text{Y} \text{A} \text{O} > \text{i} \text{E} \text{آ} \text{ا}$).

р) В досоветской России этим этнонимом обычно именовались казахи (иначе «киргиз-кайсаки» или просто «киргизы»), в отличие от собственно киргизов, называвшихся «бурутами» или «дикокаменными киргизами»: ср. хотя бы [8, с. 7, *passim*].

с) Любопытно, что это название передано не общетюркским *орта асия* (узб. *ўрта осие*, кирг. *орто асия*), а в арабо-таджикском «гибриде» – с изафетом и араб. ж.р. *āсийā-и вустā*.

т) Передано по-русски в арабской графике: обе графемы для [в] (начальной и суффиксальной) в слове ‘войсковой’ изображены буквой *вāв* с точкой сверху, все фонемы [о] показаны буквой *алиф* (ср. лабиализацию долгого [ā] в таджикском), а недопустимое в тюркских языках двухслогное начало слова ‘старшина’ «устраняется» протетическим *алифом*, произносившимся как полугласный [ы].

у) Графика последнего слова на снимке не вполне ясна; я читаю здесь $\text{O} \text{f} \text{A} \text{O} \text{B} \text{ } ^{-} \text{I}$.

Надпись 3-В. Врезная, на противоположащей неровной грани, состоит из 3 самостоятельных частей, помеченных ниже как 3-В1; 3-В2 и 3-В3. Вся композиция завершается внизу орнаментом из 3 окружностей с изо-

бражением в средней из них 4-лепесткового «цветка», в крайних – вихревых розеток из 6 (слева) и 3 (справа) завитков; нерегулярность этих рисунков заставляет предполагать в них какой-то сакральный смысл.

Часть 3-B1 – справа вверху, на выпуклой части камня, 3 строки углом вправо, первая из них сбита, но восстанавливается по смыслу контекста (имя покойного).

Текст

[ÖBNÄBU ÖUBY ÆAFIBq] [1]
 1 ÄÄ ÖYSÉÄ [2]
 ÖMi BÍk [3]

Перевод

Могила [Шабдана хаджй] сына [Джантай].

Часть 3-B2 – ниже первой, 3 строки по диагонали вверх налево, одна из них частично утрачена, две другие продолжают вертикально на выпуклой части слева, разделенные врезными линиями.

Текст

[ÖBNÄBU] ... Æej Í JqÉÄ [1]
 j • BI ÖBÄ • ÖmBMA j • BI É • BMA [Öi ÜBMA] 1 Iaj³ Öi ÜBMA [2]
 ÆÆe Ö³ÉiÉÄ s «BliBu ... I«j³ ÖYnÄ [3]

Перевод

На этой земле <...>^ф [Джантай], его отец^х – Қарā-бёк, <...>^ц – Атāке бāтыр, его отец – Тынай бāтыр, народность его^ч – қирғиз <...> из племени сāрыбāгыш.

Комментарий

ф) Предполагаемая конъектура утраченного слова – что-то наподобие ‘похоронен’, ‘покоится’ и т.п., указание на родовую принадлежность земель по Чон-Кемину [ср.: 8, с. 329–330; 9, с. 91, 93, 102; 10, с. 484 сл.].

х) Öi ÜBMA аталары, букв. «отцы; предки» (мн.ч.) – очевидно, просто в качестве «вежливого» plur. ethic.

ц) По контексту и с учетом размера сбитого участка здесь должно быть такое же аталары (см. комм. у), в крайнем случае – атасы, как перед именем Тыная.

ч) Насл (из араб. ½رأس) – ‘род, порода’; ‘происхождение’.

Часть 3-B3 – внизу справа под чертой, 9 строк, доходящие до неровного выступа с вертикальными концами надписи 3-B2.

Текст

Ä ÉNÄU ÖB' M ÉYÄ [1]
 ÖÄIBU Æe p Æej ° [2]
 " ¿E ÖFIA ÖeYÄ [3]

Ў; ¶AI³ ÆB«kBÍ i a [4]
 j íF¶I³ XBY ÛIM ¶AF»BI [5]
 i Y¶AiBÍ L YÍÉA ÆÍ ÌM Öe [6]
 ÉÍAj m ÆBU BTÁe Ì JqÉA [7]
 Ém ½· ÖN³É ÖeBN· [8]
 ۱۳۳۳ھ Á1912 LAF»A ÆÍ· jI [9]

Перевод

Да устроит Аллâх всевышний место его [упокоения] в райских садах! Аминь. *Написав (эту) надпись^ш, казахский муллâ Бâлдâқ [как бы] полный хâджж совершил, размышляя о сущности. Друзья^з, дворец души^о сей мир покидает, когда придет время, однажды изменив^а. 1912 м[*ÿlâdÿ*]^и, 1330 год х[иджры].

Комментарий

*–ш) Отсюда и до указания даты приведен текст на староузбекском языке, синтаксис которого изменен с целью придания ему «стихоподобности»; композиционно делится на две части, заканчивающиеся рифмой на – аб (стк. 6 – *ÿйлаб*, стк. 9 – *алдаб*).

э) Любопытная форма редуцированного множественного числа: персидское *ÿâr* ‘друг’, уже оформленное суффиксом мн.ч. –*ân*, «умножается» еще раз добавлением тюркского суффикса мн.ч. – *лар*.

ю) То есть сам человек, его телесная оболочка.

я) LAF»A *алдаб* – букв. ‘обманув’. Конец фразы неясен; возможно, здесь скрыта какая-то игра слов: слово *кун* ‘день’ имеет также значения ‘солнце’, ‘час, пора, срок’, и отсюда иносказательно ‘смертный час’.

4. Эпитафия Иман-'Али хаджи, год утрачен ([13]22/1904?)

Дефектный. Содержит две надписи на разных гранях камня (рис. 3).

Надпись 4-А. 10 строк, разделенных двойными линиями, первые 5 из которых практически утрачены, очевидно, в результате обширного механического повреждения. Отсутствует также конец текста (1 или 2 строки).

Текст

<...> [1]
 (?) حى <...> | [2]
 <...> حا [3]
 <...> زيا [4]
 <...> ۲۲ (?) [5]
 ۶] شه رسد[به] بر (?) يونده [6]
 ۷] ايمان على حاجى [7]
 ۸] جانطاي او على [8]
 ۹] ۵۷ ياشنده دار الفنا [9]
 ۱۰] دن دار البقاغه [10]
 <...> [11]

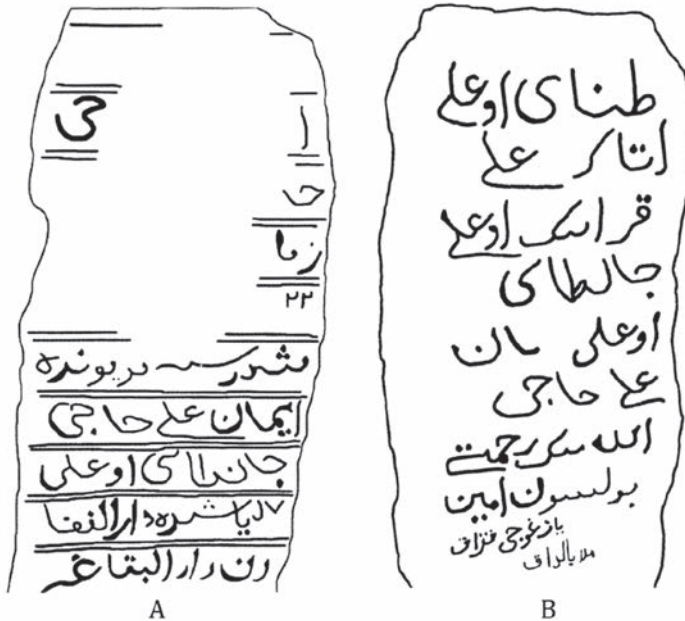

Рис. 3. Эпитафия Иман 'Али хаджи. Прорисовка заимствована из [3, с. 158]
 Fig. 3. Epitaph of Iman 'Ali Haji. The drawing is borrowed from [3, p. 158]

Перевод

<...>. Могила^{аа} <...> [13]22 (?) [в] средү^{аб} (?), первого (?)^{ав} июня, Йман 'Али хаджи сын Джант'ая в возрасте 57 лет из этого брэнного мира в мир вечный <...>.

Комментарий

аа) Очевидно, испорченное сколом $\text{Om}i\text{B}ik$ или $\text{Om}i\text{B}ik\ ziy\bar{a}[rati]$; ср. 1-A, комм. а

аб) Графика слова искажена, но чтение его как $\text{E}j\bar{A}mi\ \bar{E}q$ не вызывает сомнений – это «усредненное» между тадж. *чоршанбе*, кирг. *шаршенби* и каз. *сәрсенбі* 'среда'.

ав) Скорее всего, «обесточенное» $j\bar{a}\ bir$ 'один' (вместо $\bar{i}\text{E}j\bar{a}\ birinchi$ 'первый').

Надпись 4-В. 8 строк крупным неровным почерком, внизу – 2 строки мелким письмом.

Текст

$\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ \bar{O}\bar{B}\bar{A}\cdot$ [1]
 $\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ \bar{E}\cdot\text{B}i\bar{M}$ [2]
 $\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ ^1\bar{T}i\bar{A}j\ ^3$ [3]

ÖBŋĀBU [4]
 ÆB[™] ÖŸŸEA [5]
 ÖUBY ÖŸŸ [6]
 ÖN> i ¹ ĀĀ ÉŸĀ [7]
 " ĵA ĒĪ n»Ī [8]
 ¶ĀI³ ÖUĪ «kBĪ [9]
 ¶ĀF»BI Ýĵ [10]

Перевод

[Йм]ān 'Али хаджи сын Джантāя сына Қарāбēка сына Атāке сына Тынāя, да будет [над ним] милость Аллāха! Написал казахский муллā Балдāк.

Другие памятники комплекса

В эпиграфических альбомах [2, с. 161–164, 292–296; 3, с. 178, 180–181, 184–185] опубликованы довольно слабые фотоснимки и не всегда точные прорисовки еще нескольких надмогильных камней, происходящих из того же региона и в большинстве относящихся к тому же типу памятников, что и рассмотренные выше, и в таком качестве тоже заслуживающих подробного исследования и адекватной публикации. Это стелы для захоронений Мурад 'Али-батыра (ум. в 1309/1892 г.), Биби Фахринисы дочери Халилуллы (1318/1901 г.), юного Мухаммада Сапарбая сына Адына (умер в 5-летнем возрасте 10 февраля 1906 г.), Марзи Шакир кызы (1340/1921 г.) и дефектный памятник 1324/1906 г. с утраченным именем усопшей. Все эти памятники, судя по характерному почерку, в двух случаях «подкрепленному» и личной подписью, были изготовлены тем же муллою Балдаком (он же Балдакбай).

«Сарыбагышские» эпитафии как исторический источник

Рассмотренные эпитафии, наряду с другими погребальными надписями втор. пол. XIX – нач. XX в., отмеченными в ряде мест Северной Киргизии и выполненными на казахском, киргизском или узбекском языках (иногда с заметным влиянием татарского, что объясняется появлением здесь казанских и оренбургских миссионеров), можно рассматривать как позднейшую реминисценцию мусульманской похоронной обрядности, вызванную новым оживлением городской культуры под влиянием капиталистических элементов в хозяйстве и быте, принесенных русским завоеванием и присоединением Южного Казахстана и Киргизии к России.

Среди этих поздних памятников весьма интересный и ценный в историческом отношении комплекс представляют собой т.н. «сарыбагышские» стелы – надмогильные памятники, происходящие из Чон-Кемина и окрестных мест, где обитал род *тынай* племени *сарыбагыш*.

Хотя от этого периода сохранилось достаточно документальных (архивных) и других письменных источников, как русских, так и киргизских, «сарыбагышские» эпитафии удачно дополняют их данные новыми, подчас неожиданными нюансами.

Как показывает анализ содержания рассмотренных эпитафий, все они посвящены близкородственным членам одной семьи – родным братьям Шабдану, Мамыту и Иман-‘Али, сыновьям Джантая из племени *сарыбагыш*, рода тынай или *атеке* (*атаке*) [ср.: 11, с. 83], а также двум дочерям Шабдана, скончавшимся одна за другой весной 1911 г. (возможно, от какой-то скоротечной заразной болезни) в возрасте 13 и 8 лет.

В погребальной надписи, изготовленной для установки на могиле Шабдана Джантаева (1839–1912) – знаменитого киргизского манапа (главы рода) и военачальника – приводится его родословная до 4-го колена, сообщается, что он «отправился из этой обители бренности в обитель вечности» в пятницу, 3 *джумада I* 1330 г. х. (соотв. 6/19 апреля 1912 г.) на 73-м году жизни, а также говорится, что «покойный в числе самых достойных из *кыргыз-казаков* за великие заслуги во время завоевания русскими властями Средней Азии получил от властей должность войскового стар-

Рис. 4. Шабдан Джантаев в кругу семьи. Фото 1908 г.

(Источник: РГАКФД, сайт «Кыргызский фотоархив», режим доступа: <http://www.foto.kg/galereya/2235-istoricheskie-lichnosti-shabdan-dzhantaev-v-krugu-semi.html>)

Fig. 4. Shabdan Jantaev in the bosom of his family. Photo taken in 1908.

(Source: <http://www.foto.kg/galereya/2235-istoricheskie-lichnosti-shabdan-dzhantaev-v-krugu-semi.html>)

шины». Любопытно, что упомянутая должность передана в арабской графике, но практически в русской орфографии – $\text{É}\Lambda\text{qj}\ \tilde{\text{n}}\text{u}\ \text{O}\tilde{\text{M}}\text{E}\tilde{\text{B}}\ \text{r}\tilde{\text{I}}\tilde{\text{M}}\tilde{\text{E}}$; даже русское смычное [в] специально выделено точкой над арабской буквой $\text{É}\ \tilde{\text{v}}\tilde{\text{a}}\tilde{\text{v}}$, обычно передающей щелевую билабиальную фонему [w]. Участие Шабдана в «завоевании Средней Азии», надо полагать, выразилось в его помощи русским войскам против Кокандского ханства [ср.: 9, с. 249]; термин же *кыргыз-казак*, безусловно, следует понимать как принадлежность киргизского батыра к казачьему сословию – в данном случае в пожалованном ему высоком офицерском чине, после 1885 г. соответствовавшем званию подполковника регулярной армии.

Киргизский манап (родоправитель) Шабдан, его отец Джантай и более отдаленные предки – в частности, Атаке сын Тынай-бия – широко известные деятели, оставившие заметный след в истории досоветской России. Атаке-батыр, например, состоял в переписке с двором Екатерины II [10, с. 484–487], ходатайствуя о российском политическом покровительстве. Не последнюю роль в присоединении Киргизии к России сыграл в середине XIX в. и Джантай [10, с. 560, 580; 11, с. 62]. О самом Шабдане и некоторых из его сыновей известно из многих источников и документов конца XIX – начала XX в. [см.: 9, с. 27, 170, 248 сл.; 12, с. 146, 298, 341; 13, с. 71–74, 87 и мн. др.]. Жизнеописанию его семьи посвящены два историко-панегирических сочинения киргизского автора Осмонаалы Сыдык уулу (Сыдыкова)³, изданные в Уфе на языке тюрки в арабской графике [14; 15]. Существует автобиография самого Шабдана Джантаева, записанная с его слов Н. А. Аристовым⁴, к сожалению, до сих пор не опубликованная. Рассмотренная выше эпитафия добавляет несколько новых штрихов к политическому портрету этого крупного и влиятельного в свое время деятеля, верой и правдой служившего русским колониальным властям, от которых, как сказано в надписи 3-А, он «за великие заслуги» получил высокое по тем временам звание войскового старшины (офицерский чин в казачьих войсках, после 1835 г. соответствовал подполковнику).

В наши дни распространена версия, по которой имя *Шабдан* происходит от тадж. *зовидона* (перс. $\text{É}\tilde{\text{M}}\tilde{\text{f}}\tilde{\text{I}}\tilde{\text{E}}\tilde{\text{B}}\text{U}$) и означает соответственно ‘вечность, бессмертие’ (источник – Большой словарь казахских, туркменских, славянских имен⁵ и другие интернет-ресурсы, некритически повто-

³ Осмонаалы Сыдык уулу ($\text{O}\tilde{\text{M}}\tilde{\text{E}}\tilde{\text{A}}\ \tilde{\text{M}}\tilde{\text{I}}\tilde{\text{f}}\tilde{\text{U}}\ \text{O}\tilde{\text{M}}\tilde{\text{S}}\ \tilde{\text{A}}\tilde{\text{B}}\tilde{\text{A}}\tilde{\text{R}}\tilde{\text{S}}$, 1875–1940) – потомок сарыбагышского манапа Абайылды, генеалог, историк и просветитель, автор упомянутых исторических сочинений, сохраняющих научную ценность и в наши дни.

⁴ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань: Усуни и кыргызы или кара-киргызы. СПб.; 1893 (рукопись). В: Архив [Императорского] Русского географического общества. Ф. 65. Оп. 1. Д. 11. Л. 581–590.

⁵ Режим доступа: http://www.ra-om.ru/imena/kaz-turk-rus_names.html?show=1828 [Дата обращения: 12 ноября 2018 г.].

ряющие друг за другом это определение). Однако, судя по названию трактата Осмонаалы Сыдык уулу $\text{É}\bar{\text{I}}\text{B}\bar{\text{z}}\text{eBq} \text{I}\bar{\text{I}}\langle\text{j}\rangle^3 \text{clidM} \text{Ta}'\text{r}\bar{\text{y}}\text{x-u} \text{q}\bar{\text{r}}\text{g}\bar{\text{y}}\text{z-u} \text{šādmānīya}$ [15] (кирг. аналог – *Шабданга багышталган кыргыз тарыхы*), автор возводил имя $\text{A}\bar{\text{A}}\text{f}\text{I}\text{Bq}$ *Шабдан* к перс.-тадж. $\text{A}\bar{\text{B}}\bar{\text{z}}\text{eBq}$ *šādmān/шодмон* ‘радостный, веселый’; эта версия гораздо более правдоподобна, учитывая особенности тюркской (в частности, киргизской) фонематики, допускающей в данном случае частичную ассимиляцию $[dm] \rightarrow [db]$ с последующей метатезой $[db] \rightarrow [bd]$.

В надписи 3-А привлекает внимание такой нюанс, как «завоевание русскими властями Средней Азии» (араб. N^{f} *fatḥ*, примененное в тексте, означает именно «захват, завоевание»). Не оспаривая в принципе общеизвестного факта мирного присоединения Северной Киргизии к России, могу лишь заметить, что здесь речь идет, по всей вероятности, об участии Шабдана в военных действиях на стороне русских против Кокандского ханства [9, с. 249], власть которого прежде распространялась и на киргизские земли вплоть до Иссык-Куля.

Крайне любопытен и требует специального анализа упомянутый в связи с именем Шабдана этноним *кыргыз-казак* (см. комм. *p* к надписи 3-А). Если это не случайная описка автора эпитафии (а для такого допущения у нас нет никаких оснований – слишком высок, так сказать, «сословный ранг» этой работы, чтобы осталась без внимания такая ошибка), то остается предполагать одно из двух: либо здесь имелось в виду, что Шабдан был представлен к офицерскому званию именно «в числе» других отличившихся из казахов, будучи поименован в списке в дополнение к ним, либо данный термин здесь следует понимать не как этноним, равнозначный совр. *казах*, а в значении, примерно соответствующем тогдашнему «казаки, казачество» – имея в виду, что вооруженные конные отряды, выставлявшиеся киргизскими манапами в помощь русским войскам, имели структурное и функциональное сходство с регулярной казачьей конницей. В пользу последнего предположения может свидетельствовать и присвоение Шабдану именно казачьего, а не общевойскового офицерского звания.

Если о Шабдане и некоторых других его родственниках в историографии Кыргызстана имеется достаточно много упоминаний, то его братья, Иман 'Али и Мамыт аджи, и уж тем более его дочери Бюбю Г<...>ан и Джамалган биби, умершие малолетними, такой чести, видимо, не удостоились, и о них мы узнаем только из текстов их надгробий. Впрочем, имя Мамыта Джантаева, учитывая его положение (он тоже манап, как и его брат, и тоже паломник, хотя и без первой буквы – $\text{O}\bar{\text{U}}\bar{\text{E}}$ *ādǰī* вместо $\text{O}\bar{\text{U}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Y}}$ *ḫāǰī*), возраст (судя по надписям 1-А, стк. 9, и 3-А, стк. 6, он совсем ненамного моложе Шабдана) и все вытекающие из этих факторов права и возможности, наверняка фигурирует в каких-то официальных документах, письмах, воспоминаниях современников. В свете известных данных,

сообщаемых рассмотренной его эпитафией, это имя, будучи встречено в других источниках, должно привлечь к себе более пристальное внимание. Да и третий брат – Иман 'Али, хотя и был моложе Шабдана и Мамыта, все же дожил до 57 лет и, следовательно, тоже мог оставить свой след в истории региона.

Еще одна деталь в надгробии Шабдана (если она, конечно, правильно понята, имея в виду ее дефектность) вызывает интерес своим, мягко говоря, неполным соответствием действительности. Речь идет о тексте В-2, содержащем намек на то, что земля, на которой похоронен манап, является наследственным родовым владением со времен Тыная (перв. пол. XIX в.). Во-первых, имеются вполне надежные свидетельства о том, что Тынай-бий и его взрослые сыновья Атаке и Сатыбалды жили в окрестностях Андижана и были изгнаны оттуда местным беком [17], однако предание ясно указывает на переселение в Чуйскую долину только сыновей, никак не упоминая об отце, который, по всем данным, умер и похоронен еще в ферганской земле. Во-вторых, по сведениям, полученным Ч. Валихановым в 1856 г. от прииссыккульских киргизов, виденные им могильные сооружения в верховьях рек Чилик и Тюп принадлежали некоторым сарыбагышским манапам, переселившимся туда из Чуйской долины, – в частности, сыну Атаке – Карабеку, одному из сыновей Джантая и, возможно, самому Джантаю (который, по крайней мере, строил для себя *гумбез* еще в тех местах) [8, с. 329–330; см. также: 9, с. 102].

Специалистам по хронологии будет небезынтересно разобраться в датах памятников, в указании которых по двум не совпадающим между собой календарным системам (мусульманская лунная хиджра и юлианский «старый» стиль) обнаруживаются странные расхождения или, наоборот, смешение элементов разных эр в одной и той же дате. Например, даты кончины обоих манапов (1-А, стк. 4–6 и 3-А, стк. 5–6) при проверке по таблицам [18, с. 108–109] и формулам [19, с. 199–201] показывают расхождение в один день против расчетного: день «28 декабря 1910 года» (памятник 1, эпитафия Мамыта) на самом деле приходился на вторник по старому стилю, но в григорианском календаре, в то время еще не применявшемся в России, это была среда; в надгробии Шабдана, наоборот, пятница 3 *джумада* I 1330 г. х. соответствовала «в числах» 20 апреля 1912 г. н.э. (7 апреля по старому стилю), но в действительности это была суббота. Неопределенности отмечены и в надписи 2-А (стк. 3-5): принимая число года за 1911, мы не подберем название месяца, начинающееся на *мйм*, для приходящегося на понедельник 11 числа; в надписи же 2-В число месяца вообще не указано. По этому поводу можно высказать ряд логических соображений, приводящих часть этих расхождений в соответствие; к сожалению, объем статьи не позволяет остановиться на них с должной детальностью.

Наконец, стоит сказать несколько слов о явно нетривиальной личности, стоящей за некоторыми из рассмотренных памятников – авторе и исполнителе текстов эпитафии, казахском мулле Балдаке (или Балдакбае), как указано в надписи 2-С, родом из Берик-Таша (возможно, совр. пос. Бериктас в Жамбылском районе Алматинской области или же одноименный аул в Кордайском районе Жамбылской области Казахстана). Подпись его встречена на 6 камнях, 4 из которых публикуются в настоящей работе; впрочем, судя по почерку надписей, оформлению, некоторым языковым и стилистическим характеристикам, его рукой могли быть изготовлены все 9 известных на сегодня памятников из рассматриваемого комплекса. В этих специфических произведениях чон-кеминский мулла проявил себя не только как опытный писец и оформитель, но и как весьма образованный для своего времени и окружения человек. Не приходится сомневаться, что он в достаточной мере владел несколькими языками: естественно, своим родным (казахским), местным (киргизским), литературным «чагатайским» и, конечно, традиционным для образованного мусульманина арабским (хотя, как показывают надписи, не без изъянов). В некоторых текстах мулла Балдак предстает перед нами как тонко чувствующий поэт и даже философ созерцательно-элегического склада.

С другой стороны, при всей высокой грамотности и богатой духовности Балдакбая его трудно «заподозрить» в стремлении распространять образованность среди местного населения. Абсолютное преобладание среди известных надгробий его работ, предназначенных по крайней мере для двух достаточно удаленных друг от друга кладбищ, может говорить о том, что почтенный мулла, возможно, был единственным в округе, кто мог производить и на протяжении многих лет, действительно, производил эту скорбную продукцию – естественно, получая за нее постоянную и, надо полагать, немалую плату; поэтому едва ли в его интересах было широко делиться своими знаниями и профессиональными навыками с односельчанами-киргизами.

Заключение

Структура рассмотренного текстового материала и объем настоящей работы не позволили в равной степени осветить все важные аспекты этого материала как исторического источника. «За бортом» остались по меньшей мере 5 из 9 доступных нам текстов, относящихся к рассмотренному локальному комплексу, и еще несколько надмогильников из пос. Быстровка и других пунктов Токмакского района. «Сарыбагышские» эпитафии представляют большой интерес как источник по истории языка и письменности в регионе, шире – как редкий и специфический комплексный памятник материальной и духовной культуры многонационального населения Центральной Азии Нового

времени. Поэтому одной из важных задач современных и будущих источниковедов следует считать более активный поиск, адекватную фиксацию и всестороннее исследование новых, пока еще доступных памятников мусульманской эпиграфики, которых с каждым годом, к сожалению, остается все меньше.

Список сокращений

РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов. М. о., Красногорск. Сайт: <http://www.rgakfd.ru>

Источники

Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань: Усуни и кыргызы или кара-киргызы. СПб.; 1893 (рукопись). В: *Архив [Императорского] Русского географического общества*. Ф. 65. Оп. I. Д. 11. Л. 581–590.

Литература

1. Иванов Д. Л. По поводу некоторых Туркестанских древностей. *Известия Императорского русского географического общества*. СПб.; 1885;21;3:162–177.
2. Джумагулов Ч. *Эпиграфика Киргизии*. Вып. 2. Фрунзе: Илим; 1982. 296 с.
3. Табалдиев К., Белек К. *Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне)*. Бишкек: Учкун; 2008. 336 с.
4. Гафуров А. *Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1987. 221 с.
5. Юдахин К. К. (сост.) *Киргизско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965.
6. Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII–XX вв. В: Давидович Е. А. (ред.) *Киргизия при Караханидах*. Фрунзе: Илим; 1983. С. 140–193.
7. Настич В. Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана. В: Давидович Е. А. (ред.) *Киргизия при Караханидах*. Фрунзе: Илим; 1983. С. 221–234.
8. Плоских В. М. *Киргизы и Кокандское ханство*. Фрунзе: Илим; 1977. 368 с.
9. Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия; 1984. Т. 1. 430 с.
10. *История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней*. Фрунзе: Кыргызстан; 1984. Т. 1. 705 с.
11. Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия; 1985. Т. 2. 415 с.
12. *История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней*. Фрунзе: Кыргызстан; 1986. Т. 2. 477 с.
13. Чукубаев А. А. *Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900–1917 гг.)*. Фрунзе: Кыргызстан; 1967. 162 с.
14. Сыдыков О. 1331 ,в'ЕА .ÉÍ «j³ cÍiBM jvN< .Ó»ЕА рÍfU ОУS АВАRS. Уфа: Электр-типография Т-ва «Каримов, Хусайнов и К°»; 1913. 79 с. (На старокирг. яз.)

15. Сыдыков О. 1332 ,В'ĒА . ĒṬṬḂ;еВq ṬṬ«jṬ³ сlṭṭM . О'«ĒА Ṇfṭ О'Ṣ ḂBARS = *Тарых кыргыз Шадмания*. Уфа: Электротипография «Восточная печать»; 1914. 188 с. (На старокирг. яз.)

16. Загрязский Г. С. Очерки Токмакского уезда. *Туркестанские ведомости*; 1873;9-10.

17. Цыбульский В. В. *Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения*. М.: Наука; 1964. 236 с.

18. Селешников С. И. *История календаря и хронология*. 2-е изд. М.: Главная редакция физико-математической литературы; 1972. 224 с.

References

1. Ivanov D. L. Apropos some Turkestan antiquities. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1885;21(3):162-177. (In Russ.)

2. Dzhumagulov Ch. *Epigraphy of Kirghizia*. Iss. 2. Frunze: Ilim; 1982. (In Russ.)

3. Tabaldiev K., Belek K. *Monuments of Writing on Stones from Kyrgyzstan (corpus of writings on stone)*. Bishkek: Uchkun; 2008. (In Russ.)

4. Gafurov A. *Name and History: On the Names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1987. (In Russ.)

5. Yudakhin K. K. (ed.) *Kirghiz-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1965. (In Russ.)

6. Goryacheva V. D., Nastich V. N. Epigraphic Monuments of Uzgen from the 12th – 20th centuries. In: Davidovich E. A. (ed.) *Kirghizia under the Qarakhanids*. Frunze: Ilim; 1983, pp. 140-193. (In Russ.)

7. Nastich V. N. Arabic and Persian inscriptions on the qayraqs from the site of Burana. In: Davidovich E. A. (ed.) *Kirghizia under the Qarakhanids*. Frunze: Ilim; 1983, pp. 221-234. (In Russ.)

8. Ploskikh V. M. *The Kirghiz and the Khoqand Khanate*. Frunze: Ilim; 1977. (In Russ.)

9. Valikhanov Ch. Ch. *Collected Works in Five Volumes*. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya; 1984. Vol. 1. (In Russ.)

10. *History of the Kirghiz SSR. From Ancient Times to the Present Day*. Frunze: Kyrgyzstan; 1984. Vol. 1. (In Russ.)

11. Valikhanov Ch. Ch. *Collected Works in Five Volumes*. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya; 1985. Vol. 2. (In Russ.)

12. *History of the Kirghiz SSR. From Ancient Times to the Present Day*. Frunze: Kyrgyzstan; 1986. Vol. 2. (In Russ.)

13. Chukubaev A. A. *Class Struggle and Social Thought in Kyrgyzstan (1900-1917)*. Frunze: Kyrgyzstan; 1967. (In Russ.)

14. Sydykov O. 'Uṭmān 'Alī Ṣiddīq Ūḡlī. *Muxtaşar Ta'riх Qirgīziya. Ūfā; 1331*. Ufa: Elektro-tipografiya Tovarishchestva "Karimov, Khusainov i K°"; 1913. (In Old Kyrgyz)

15. Sydykov O. 'Uṭmān 'Alī Ṣiddīq Ūḡlī. *Ta'riх Qirgīz Ṣādmāniya. Ūfā; 1331*. Ufa: Elektrotipografiya "Vostochnaya pechat"; 1914. (In Old Kyrgyz)

16. Zagryazhskii G. S. Essays of the Tokmak County. *Turkestanskije vedomosti*. 1873;9-10. (In Russ.)

17. Tsybul'skii V. V. *Modern calendars of the Near and Middle East Countries: Synchronistical Tables and Explanations*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)

18. Seleshnikov S. I. *Calendar History and Chronology*. 2nd ed. Moscow: Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoi literatury; 1972. (In Russ.)

Информация об авторе

Настич Владимир Нилович, кандидат исторических наук, руководитель Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Vladimir N. Nastich, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Department of Oriental Written Sources. Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 сентября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 9 октября 2018 г.
Принята к публикации: 2 ноября 2018 г.

Article info

Received: September 17, 2018
Reviewed: October 9, 2018
Accepted: November 2, 2018